

Александр Рындин

# ПЛОЗЦЯ



18+

Александр Рындин

**Поэзия**

«ЛитРес: Самиздат»

2016

**Рындин А. Г.**

Плозия / А. Г. Рындин — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Сон сливается с реальностью, когда исчезают воспоминания. Все возможно, и ни в чем нельзя быть уверенным. Ты просыпаешься в незнакомом месте, теперь это твоя жизнь. Выхода нет, идти некуда, единственный движущий импульс - докопаться до истины. Но что она из себя представляет и удастся ли её найти?

© Рындин А. Г., 2016

© ЛитРес: Самиздат, 2016

# Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	10
Глава 3.	13
Глава 4.	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

## Глава 1.

Нарколепсия – чудесное заболевание. Вы не узнаете, пока не попробуете. Как прекрасно одним удивительным утром очнуться в психбольнице и осознать, что я тут уже много лет. Вся моя жизнь – сон. Бодрствую я здесь, только мне предпочтительнее запоминать сновидения, а не рутину пациента лечебницы, я даже толком и не знаю о ней, честно. Но вот настало время просыпаться.

Мне надо восстанавливать реальность по крупицам, как это обыкновенно бывает, когда пытаешься вспомнить сон, приснившийся достаточно давно, чтобы успеть стереться из памяти. Под реальностью в данном контексте я понимаю ту, в которой находится мое физическое тело, и как-то не хочется задумываться дальше на эту тему, поскольку мне и так трудно во всем разобраться.

Итак, восстанавливать по крупицам, как я и сказал. Ярким бликом, запоминающейся крупицей в мире серых мазков была Она. Иногда я и во снах с ней общался, но всегда лишь поверхностно, ведь она не была всецело продуктом моего воображения, хотя, если верить ученым, ни один образ в сновидениях не придуман нами (в смысле внешне), скорее, причудливым образом он вытряхнут из памяти, из мириад картинок. Вот тут у меня появляется одно из самых мучительных сомнений: если я сижу в лечебнице много и много лет – откуда столько образов? Неужто из моих самых ранних воспоминаний за стенами клиники, которые я успел позабыть?

Мне многое объяснили. Так уж получилось, что я психологически дистанцировался от окружающей действительности, а потому все самые «яркие» моменты повседневной жизни стали заретушированным отражением в хаотическом и удивительном мире снов. Наверное, только с их помощью я еще не сошел с ума. Сказал человек в желтом доме.

Моя настоящая проблема в появившейся нарколепсии: теперь каждая ночь – невыносимая мука. Вместо сновидений кратковременные невнятные блики, оставляющие ощущение иррационального ужаса, спать практически не удастся. А в течение дня, когда я усиленно заставляю себя не уплывать из действительности в свои фантазии, она, настолько унылая, так утомляет меня, что иной раз я просто вырубаясь посреди наполненной людьми комнаты. Хорошо, когда сижу в этот момент. А то бывает, что и падаю на пол. Правда без снов и на несколько недолгих мгновений полной отключки. Такой, впрочем, которая, в случае если жить, пристально высчитывая секунды, выдирает целый кусок твоего драгоценного времени.

Врачи утверждают, что этому нет неврологического объяснения – мозг работает нормально, насколько вообще можно судить о нормальной работоспособности человеческого мозга и о нормальной психике, если уж на то пошло. Я разучился говорить, я был, как кататоник. Вероятно, оттого что разговоры здесь настолько скучные и унылые, насколько это вообще возможно. Меня вырвали из грез, из моего чудесного, спонтанного и красивого мира, полного веселого и доброго, страшного и грустного, но непременно всегда интересного.

Моя душевная проблема в том, что Ее нет. Когда я пришел в полное сознание, осуществил прорыв: включился в нормальную жизнь, насколько вообще можно судить о нормальности жизни, тем более такой, как у меня. Когда это случилось, ее уже не было. «Действительно, – говорят некоторые пациенты, – у тебя были друзья, они сидели с тобой и разговаривали». Врачи

говорят, что этого не было. Странно, ведь я знаю, что это единственный ключ, та самая связь с внешним миром, которая мне необходима, но доктора так не думают или добиваются чего-то другого, нежели моего выздоровления. Насколько вообще можно говорить о душевном здоровье кого-либо. Весь мир сошел с ума, и очень давно, а нас оградили для собственного успокоения, чтобы ничто об этом факте не напоминало, хотя это всего лишь самообман – от напоминаний не укрыться, они повсюду.

Помню сны, где я пересекал неведомые страны, города, горы, поля и степи, океаны и моря. Всегда с какой-то целью, с верой во что-то, со стремлением найти кого-то, что-то совершить, возможностью по-настоящему жить. А здесь? Неужели все они называют это «настоящей жизнью»? «Вы хоть понимаете, насколько скучно и уныло живете?» – говорю я. Они не слушают, не хотят, и их можно понять. Ведь, в отличие от них, я могу принять тот факт, что существуют иные мнения, и для кого-то они вернее всего.

Я помню, как чему-то учился, где-то работал, любил и ненавидел – неужели все это было лишь проекцией на бесконечно бегущие образы по ящику? Не хочу в это верить. А если так, то, получается, единственным источником информации для меня был квадратный монстр, стоящий на комод в общей комнате? Не хочу, не хочу в это верить! Я помню книги, неужели мне только приснилось, что я их читал? Но в таком случае это действительно бред! Неужели и Ее не было? Ведь первые, как мне показалось, удачно восстановленные воспоминания из «настоящей жизни» связаны с Ней. Но врачи говорят, что, по-видимому, я еще не вернул память, «не прорыл к ней путь», – говорят они, и мне кажется, что это абсолютная чушь.

Идут сухие и серые дни полной апатии. Они хотят довести меня до критической стадии депрессии, когда уже невозможно будет жить? Но я терплю, пытаюсь приобщиться, ведь спать действительно невозможно: как будто натыкаюсь на колючую проволоку, пытаюсь попасть в сновидения, в свой мир – меня выкинули оттуда и заперли снаружи. Какой ужасный и подлый поступок.

Мне нужна помощь, но ждать ее неоткуда. Ведь те, кто ее обещает, явно добиваются чего-то другого. Идет время, то есть так мы думаем, на самом деле время несущественно, оно неуловимо и потому несущественно, хотя давайте я лучше не буду пытаться развить эту тему, а то и так тяжело все это переварить. Все, что произошло и происходит, и будет происходить. Или не будет.

День миллион триста пятьдесят тысяч семьсот первый. Они все еще думают, что я иду на поправку. Ведь говорю им то, что они считают нужным и правильным. «Иду на поправку» – то есть так они это называют. Я сижу в столовой. Со мной заговаривает рядом сидящий:

– Эй, парень, что такой кислый? Ххххххххахахаххх, – говорит он. Один из тех, кто утверждал, что у меня были друзья, которые меня навещали.

«Одна из них, – говорил он, – лежала здесь, в женском отделении, в связи с небольшой постродовой депрессией или нервным срывом, другая была ее подругой, приходившей навещать. Они прогуливались до общей комнаты, где увидели тебя и заговорили. Заговорили с кататоником – отсутствующим человеком, в смысле ты был таким, не реагировал на внешние раздражители, был совершенно замкнут в себе в томительном ожидании отбоя и ночного сна. Очень живые девушки, обсуждали книги, кино, музыку, у той, что была пациенткой, вечно была книга в руках, и она иногда начинала читать, пока та, что приходила, сидела и смотрела

на тебя, разговаривая очень тихо. В этом взгляде была глубокая печаль и жалость, но зачастую он отражал ее эмоции на совершенно отвлеченные темы, о которых говорила с кататоником. То есть вроде бы с тобой. То есть сама с собой».

Он еще какое-то время сверлит меня взглядом, после чего возвращается к своему подносу. Я даже не задаюсь вопросом, почему мой мозг предпочитал абстрагироваться от действительности и жить сновидениями – если бы мог, непременно вернул бы все на свои места, как все было. Но это не в моей власти.

Почему врачи обманывают меня? Чего они пытаются добиться? Видя, что я снова погружаюсь в апатию, и скоро дойду до того, что покончу с собой или прорвусь-таки в мир грез, какова бы ни была защита, они идут на уступки: признают существование посетителей. Это ведь портит им всю игру, неужели они не видят, что назад пути нет и гнутая ими все это время линия окончательно сломалась?

Тем не менее они обещают, что вот-вот устроят свидание с друзьями. Я жду. Надежда поддерживает меня, пока я не начинаю задумываться о том, что это был всего лишь трюк, дабы успокоить буйно-помешанного, правда не такой уж я и буйный. Или нет? Я вдруг понимаю, что никогда не пробовал быть буйным, то есть насколько могу помнить – во снах-то я, бывало, вытворял всякое. Что же все-таки тут происходит?

Однажды утром, во время очередного рутинного ритуала, как-то связанного с началом дня, ко мне приходят. Санитары говорят, чтобы я следовал за ними, и я следую. Они приводят меня в комнату. В комнате стоит стол, за столом, на котором маятник и компьютер, сидит главврач.

– Ну, как мы себя сегодня чувствуем? – спрашивает он.

– Слегка не выспавшимся, – отвечаю я.

– До меня дошли слухи, что вы по-прежнему настаиваете на встрече с *друзьями*. – говорит он, нарочито выделяя слово «друзьями».

– А вы по-прежнему утверждаете, что их не было? Потому что мне уже успели пообещать встречу.

– Не беспокойтесь, встреча состоится. Проблема в том, что все несколько изменилось. Эм... понимаете ли, мы проверили, и у вас действительно были посетители на раннем этапе вашего лечения. Правда это было давно, три года назад. Сейчас этих людей уже здесь нет, нам потребуется время, чтобы их разыскать. – сочетание «на раннем этапе» и «три года назад» на секунду привлекает мое внимание, но более всего поражает осознание полной неспособности провести какую-либо ретроспективу собственной жизни. Неужели у меня настолько сбито чувство времени? Насколько вообще можно говорить о чувстве времени и его точности.

– Вы слышали, что я вам только что сказал? – осведомляется доктор.

– Да, – глухо отвечаю я.

– Хорошо, что вы вообще о них помните?

– Помню лицо, помню голос, иногда их было два... – неуверенно говорю я.

– Что ж, думаю, встреча с ними действительно может оказать положительный терапевтический эффект в вашем случае. Но, прежде чем это случится, хочу попросить вас об одной вещи: запишите все, что у вас на душе, пишите, не переставая, опишите, почему оказались здесь, что сделали, как характеризуете свое состояние и отношение к окружающему. Проще говоря, чем больше, тем лучше. Главное – быть искренним, и не скупитесь на эмоции. Они особенно важны в нашем деле. – говорит врач и издаст легкий, ненавязчивый смешок.

Так что с того разговора я начал писать, вернее, пытаться писать. Однако история, здесь рассказываемая, – это не то, что я писал. Те записи были куда более сумбурными и спутанными, их едва ли возможно кому-то понять. Но я не сознавал всю их сумбурность, пока писал их, даже больше – мне они казались безупречными. Поскольку я был единственным, кто улавливал логику и смысл тех записок пациента желтого дома, это совсем не удивительно.

Считаю своим долгом все-таки привести тут некоторые избранные выдержки:

«Запах пороха не покидает меня уже очень давно. Все оттого, что я и есть бочка с порохом. Точнее даже бомба, готовая в любую секунду взорваться. Мне не хватает только фитиля, который бы тянулся от моей правой пятки. Запах пороха, как же я его ненавижу. Ненавидел с детства и всегда чувствовал. С ранних лет мы находим в себе черты, которые ненавидим всю оставшуюся жизнь. Во всяком случае, так было со мной. У меня нет приобретенных недостатков, за исключением, пожалуй, тех, о которых мне неизвестно. Но вот запах пороха – его я возненавидел именно как свой недостаток, а не как что-то отдельное от меня. Я не знаю, зачем пишу все это. Ведь смысла в этом чуть – говорить что-то такое, о чем уже прекрасно знаешь. Если честно, по мне это, как сознательно убивать время. Хотя что у нас еще есть, кроме времени? Или у нас вообще ничего нет?»

Постойте, и вот ради подобной лабуды я и должен писать? Чтобы размышлять по ходу дела о непреходящем и отвлекаться на лирические отступления?! То есть, получается, все это – полная чушь, обман. На деле, вместо последовательного пересказа (смысла в котором, конечно, немного, но это, по крайней мере, была официальная цель задания) от меня ждут рассуждений. Зачем? Чтобы понять чуть лучше для более тщательного психоанализа? Вот, что странно – я все это пишу, то есть продолжаю записывать, как если бы говорил, размышлял вслух. А почему я так поступаю? Не для того ли, чтобы заполнить как можно больше пространства бумаги текстом, пустыми, ничего не значащими для меня словами, напоминающими какую-то пресловутую теорию заговора?

Хотя, полагаю, Вы, тот, кому я это пишу, уже самостоятельно должны делать выводы. Проблема в том, что мне было сказано четко «писать, не переставая». То есть, как начнешь писать, уже не вставай, пока не поймешь, что совершенно иссяк. И я, похоже, уже близок к этому. Но по существу так ничего и не написал, только бесконечные пустые доводы и реки отступлений. Ведь было сказано описать причину моего поступка, а я тут растекаюсь мыслью по древу в размышлениях и домыслах, домыслах и размышлениях.

Ну да ладно, так уж и быть, я все же сознаюсь. Когда ты – пороховая бочка, способная рвануть в любую секунду, немудрено, что эта секунда должна когда-то наступить. Вот только этого не произошло. На самом деле запах пороха всегда оставался всего лишь запахом пороха, а не предвестником чего-то, что могло бы за ним стоять – чего-то более глубокого и значительного. Да, я всего лишь бочка без фитиля, обреченная на вечные скитания без цели и смысла с нереализованным потенциалом бомбы. Итак, что же в таком случае послужило причиной?

Наверное, это была Она. Девушка, с которой я познакомился и которую полюбил. Совершенно независимо от нее, не включая ее и кого бы то ни было еще в подробности моих несбыточных надежд на совместное с ней будущее. Хотя какое там будущее? Всего лишь желанная минута, мгновенье, доля секунды».

*Пациент перестает писать, встает со стула, несколько раз усиленно встряхивает правой рукой. Делает небольшой круг по комнате, идет не спеша. Что-то размеренно в своей голове проговаривает, затем садится обратно за стол:*

«Знаете, мы говорили друг другу:

– Ты здесь, ты со мной, ты моя, а я твой.

– Я твоя, а ты мой.

А затем страстно целовались, прижимаясь друг к другу плотно-плотно. Хотя, постойте, нет, это было только у меня в воображении, в моих мечтах. На самом деле, все было куда прозаичнее. Мы почти провели чудесную ночь однажды, когда по нелепому стечению обстоятельств... Хотя, погодите, это очередная ложь. Мы просто разговаривали, причем часто почти без слов, разговоры были в основном на отвлеченные темы, только иногда они касались чего-то более животрепещущего. Мы оба любили музыку, хотя бы это не вранье. Пожалуй, я начал все это расписывать лишь для того, чтобы был повод рассказать придуманное стихотворение», – *он смеется, откидываясь на спинку стула. В дверь тут же стучат санитары:*

– Все в порядке? Ничего не случилось? Можно войти? – *и, говоря это, они, не дожидаясь ответа, открывают дверь.*

– Зачем спрашивать, если вы все равно делаете, что хотите?

Поверьте, приведенный отрывок того дневника – один из самых читабельных, но не в плане почерка, почерк у меня отменный, даже не знаю, с каких пор, может, так было всегда. С того дня, как я начал писать, постепенно начал забывать о *друзьях*. Скорее всего, этого и хотели врачи: чтобы я переключился на что-то другое. Я и сам не ожидал, что настолько увлекусь и стану «сумасшедшим писакой». Так меня называли сожители и санитары. Дикое, безумное, хаотическое вдохновение владело мной, пока я перескакивал с мысли на мысль, с образа на образ. Вечно взъерошенные волосы, воспаленные красные глаза, мешки под ними – полный набор. Цель, какая-то занятость, моментально превратилась в идею фикс. В конце концов, мне стали давать транквилизаторы.

## Глава 2.

В одну из моих вдохновенных творческих бессонных ночей у меня случается срыв. Наверное, тогда я впервые ясным взглядом перечитываю свои записи и понимаю, что ничего не понимаю, и даже хуже – ничего не знаю и не помню. Одновременно я осознаю, что прошло полтора месяца с момента разговора с главврачом. И еще один шок поражает меня: чувство времени будто вернулось.

Воспоминание «...три года... на раннем этапе вашего лечения...». Откровение: записи – белиберда, абсолютная бессмыслица. Крик, срыв, стул, летящий в стену, стол, врезающийся в двойной стеклопакет окна, отлетающий от него и разлетающийся на куски. Кровать, о, кровать перевернутая, кровать сломанная, кровать развороченная. Выбитая дверь, санитары, укол, отключка.

Утро, солнце, темный силуэт, я открываю глаза. Передо мной стоит она. Она говорит:

– Проснись.

Я просыпаюсь привязанным к своей койке. Нет, койка не моя, я, очевидно, в каком-то подобии карцера. Дверь со скрипом открывается. Входит главврач.

– Как мы себя сегодня чувствуем? – спрашивает он, глядя при этом прямо на меня.

– А сами как думаете? – отвечаю я и буквально чувствую всю скованность своего положения в прямом и переносном смысле.

– Я тут прочел ваши записи. Как оказалось, все куда хуже, чем мы предполагали, но вы, может быть, и сами догадываетесь. – доктор произносит это выжидающим тоном.

– О чем это вы? – сдавленно говорю я.

– У вас кризис самоопределения. Проще говоря, вы не знаете, кто вы, как и когда сюда попали. Обрывки истины есть, но вы очень запутались – ваши фантазии настолько слились с вашим восприятием действительности, что почти невозможно определить, где они начинаются и где заканчиваются. А еще у вас, похоже, совсем плохо с чувством времени.

– Да уж, тяжело. – отвечаю я.

– И правда... – говорит доктор.

– Что же теперь? – интересуюсь я.

– Теперь, когда у нас есть полная картина, можно попробовать подступиться к корню вашего душевного недуга.

– Как все расплывчато, – отмечаю я, – скажите, а что насчет той обещанной встречи?

– Встречи? – как будто не сразу сообразив, о чем речь, главврач какое-то время молчит, прикидывая что-то в памяти. – Ах да, встреча... Почему бы нам не вернуться к этому чуть позже, когда вы немного придете в себя?

Кровь закипает в жилах и пульсирует в венах, кулаки сжимаются, накатывает волна ярости, однако я ничего не говорю, а лишь продолжаю смотреть на доктора. Тот замечает, видимо, некоторую враждебность в моем взгляде, потому что говорит:

– Думаю, вам следует побыть одному и успокоиться. Я дам лекарство...

– Постойте. – говорю я. – Меня кое-что мучает уже давно, я не могу нормально спать, вижу одни кошмары, я словно заперт... снаружи, если вы понимаете... Вы как-нибудь к этому причастны?

– Что вы хотите сказать?

– Я имею в виду, это вы сделали?

– Нарушили ваш сон? Это смешно, сон крайне важен, неужели вы решили, будто мы подвергаем своих пациентов таким мукам?

– Но ведь до этого...

– Что до этого? Хотите сказать, вы что-то помните? – осведомляется доктор, и мне хочется его задушить.

– Нет, но мне говорили, что я был..., как бы это сказать, кататоником... – неуверенно произношу я, сердце бьется, все тело сковано ремнями, белые стены мозолят глаза, в углу на потолке сидит муха, как будто выжидая чего-то.

– Кто вам это сказал? Другой пациент?

Я молчу, и главврач вскоре продолжает:

– Не стоит слепо верить всему, что говорят, тем более, когда не помнишь, что с тобой было. Однако, справедливости ради, ваше состояние можно было спутать с кататонией, но я бы, скорее, назвал это глубокой клинической депрессией.

– Ну... и вот я здесь, разговариваю с вами, мне уже лучше или что? – спрашиваю я.

– А как вы сами чувствуете?

– Что именно вы хотите услышать? – недоумеваю я.

– Вы чувствуете себя лучше?

– Я не знаю, что значит «лучше».

Главврач молчит, пока буря мыслей прокручивается у меня в голове. Я понимаю, что по-настоящему не знаю ничего ни о себе, ни о той действительности, в которой пребываю в данный момент. Желтый дом сейчас мне самое место, ведь я совершенно не представляю, как выглядит мир на сегодняшний день. В какой я стране, кто мои близкие, есть ли они у меня вообще.

– О чем вы задумались? – спрашивает доктор.

– Встречи не будет?

– Боюсь, что нет, – говорит доктор.

– А кто я на самом деле?

– Это вам предстоит узнать самому.

Все мои мышцы напрягаются, вены вздулись, ноздри словно распухли, глаза на выкате – ярость переполняет все мое естество. Главврач ясно видит это, и мне кажется, что он улыбается. Входят санитары, делают мне укол, я отключаюсь. Никаких снов.

## Глава 3.

Я очнулся в своей комнате или, правильнее говорить, палате. Стол на месте, кровать заменили. Моих записей нет. Видимо, еще один метод лечения. А пытаться вспомнить, что я там понаписал – бессмысленно.

Я лежу и думаю, что же делать. Наконец решаю, что надо встать, и встаю. Потом выхожу в коридор и иду по больнице осматривать окрестности. Коридор представляет собой длинный прямоугольный туннель, по обеим сторонам которого через каждые пару метров понатыканы однотипные двери одноместных палат. Двери белые, а стены с легким налетом желтизны, но вроде бы тоже белые. Потолок также белый с желтизной, а еще с него свисают металлические люстры, будто сопли механического монстра.

Это интересное сравнение пришло мне в голову в то прекрасное утро, когда я вышел из своей палаты осматривать окрестности желтого дома, который впервые признал в качестве своего пристанища, пусть даже временного. Означает ли это, что я сдался? А была ли борьба? Все эти бесконечные вопросы. Иногда надо просто осмотреться и подумать.

Когда коридор заканчивается, я оказываюсь в общей комнате: просторном помещении с диванами, стульями и пуфами, стены здесь ярко-желтые, слева во всю стену окно. Посреди комнаты вроде бы совсем не к месту находится колонна. Вокруг нее время от времени кто-то ходит. Что очень даже напрашивается. Может, для этого ее и поставили. В толпе психов надо уметь определить нужных психов. А что их выделяет? То же, что и все остальное – особые приметы или поведение. Для того чтобы спровоцировать реакцию, нужно смоделировать ситуацию. А что есть эта колонна, если не смоделированная ситуация?

Эти мысли проносятся у меня в голове, и я слышу голос справа от себя. Я поворачиваюсь на голос, так как думаю, что обратились ко мне, но не уловил самих слов.

– Прощу прощения? – спрашиваю я у молодого странно улыбающегося паренька с прической горшком (волосы русые, цвета детской неожиданности), жиденькими усами над верхней губой, издали смахивающими на грязь, и халатом, таким же, как у всех: желтовато-белым, но с небольшим отличием – двумя тоненькими синими полосами на правом рукаве. Если бы не они, он бы затерялся в толпе, но этот псих сам отметил себя среди остальных. Он с гордостью носил эту примету, словно медаль. С такой же гордостью он носил свою странноватую улыбку, дурацкую прическу отвратительного оттенка и даже почти что пубертатные усы.

– Всегда так! – громко говорит он, после чего заливается пронзительным золотистым, ласкающим ухо смехом. Меня это слегка пугает, но в то же время зачаровывает: настолько неожиданно слышать такой смех и такой голос из его уст.

– Что «всегда так»? – после некоторого молчания осведомляюсь я.

– Я специально сижу здесь и говорю что-то неразборчивое в тот самый момент, когда кто-то входит в комнату. Абсолютно все думают, что к ним обратились. Это так забавно! А ведь это обман: каждый обманывает свое тело, никто, особенно здесь, не доверяет своим ощущениям. Ты услышал, что к тебе не обращались, но перепроверяешь это с помощью какого-нибудь вежливого вопроса. Хахаха!

«Твой голос – вот настоящий обман», – думаю я.

– Я знаю, о чем ты думаешь, – весело говорит голова-горшок.

– И о чем же я думаю?

– Обо мне. И вот мой совет: не стоит. Я – плохой предмет для размышлений. Ты же, с другой стороны, – сказав это, он спрыгивает со стойки, на которой сидел, – совсем иное дело.

– Почему? – спрашиваю я.

– Хаха! Да то, что ты задаешь такой вопрос, радует меня еще больше! Человек, затерявшийся в пространстве и времени! Человек, у которого появился настоящий второй шанс! – говоря это, он весело и почти незаметно подпрыгивает, всем своим существом выказывая радость и энергию. – Я так рад повстречаться с тобой, наконец!

– А кто ты? – спрашиваю я.

– Мое имя не имеет значения, однако ты можешь звать меня Вергилий. И не думай: в этом нет никакого подтекста.

– Что ты знаешь обо мне?

– Да ты, должно быть, шутишь! Ты же местная знаменитость! – говоря это, он все так же энергично пританцовывает вокруг меня.

– Чего ты хочешь? – недоумеваю я, после чего он останавливается и пристально на меня смотрит:

– Просто пообщаться, – совершенно спокойно и серьезно говорит он, чтобы после нескольких секунд наступившей между нами гробовой тишины вновь разразиться своим золотистым смехом. Это конфузит меня неимоверно, но я молчу и просто смотрю за ним.

– Эй! Отойди, не приставай к нему! – вдруг говорит санитар, появившийся неизвестно откуда.

– Прошу прощения, достопочтенный! – весело отвечает Вергилий, делая картинный реверанс и отступая на пару шагов. Санитар презрительно фыркает, покачивая головой, после чего обращается ко мне:

– А ты тоже не стой столбом! – говорит он, точно надзиратель, и, не дожидаясь моей реакции, отходит куда-то в сторону или в то неведомое пространство, откуда минутой раньше возник.

Когда голова-горшок Вергилий и санитар-тюремщик покидают меня, я снова остаюсь один посреди общей комнаты, наполненной психами самых разных мастей. К какой же, интересно, принадлежу я?

– Парень, – слышу я голос у себя за спиной и оборачиваюсь на него, чтобы увидеть перед собой старца, – Расскажи мне о своих снах.

– Что, простите?

– Ты меня хорошо слышал, мне ужасно скучно здесь, а, судя по тому, что я знаю, тебе есть, что рассказать. – старец проговаривает это медленно, глядя мне в глаза. Я не могу отвести взгляд, хотя не люблю, когда мне смотрят в глаза (это одна из тех вещей, о которых доподлинно знаешь про себя и никогда не забываешь, как почерк).

– Почему вы решили, что мои сны будут вам интересны? – спрашиваю я, подходя ближе на шаг к старцу, который в этот момент сидит на подоконнике большого во всю стену окна.

– Просто я никогда не видел снов, и мне интересно послушать о них от человека, который жил ими всю жизнь. – это объяснение кажется мне вполне разумным, и я решаю пойти ему навстречу.

– Что ж, пожалуй, я могу поведать вам пару историй, если интересно. – эта идея действительно привлекает меня, ведь я не представляю, чем еще себя занять. Старец улыбается одними губами и кивает, я начинаю рассказывать.

## Глава 4.

Я пытаюсь придумать, с чего бы начать, и вдруг понимаю, что история сама складывается в голове. Все, что нужно, – просто начать говорить. Все мельчайшие детали и подробности моих снов дорисовываются в памяти сами по себе, как если бы они оттуда никуда и не исчезали. Никакого удивления нет, только воодушевление перед предстоящей исповедью, в которой я, как оказалось, так нуждался все это время.

– Итак, – начинаю я, – помню, как мрак и серость заволокли мое тело. Я не чувствовал своих конечностей, потому как ощущал себя всего лишь частью общего потока, но не отдельным существом. Это сладостно-мучительное ощущение длилось, казалось, целую вечность, прежде чем я обнаружил себя в помещении старой гостиницы. То был придорожный мотель, и в нем было очень грязно. Я находился в номере, представлявшем собой нечто довольно печальное: кровать с каким-то сдутым прогнившим матрасом, словно бы просто брошенным на проржавевшие пружины, простейшая деревянная прикроватная тумбочка, напоминающая работу неумелых школьников по труду, неработающий телевизор и местами прожженные занавески. Тут был и туалет, но такой, о котором говорить просто не хочется, да и особо нет нужды. Помню стук в дверь, я развернулся, так как стоял к ней спиной, и подошел. Даже не посмотрев в глазок, я повернул ручку, будто бы знал, кто стучал. Но, когда дверь была открыта, за ней никого не оказалось, почему-то это меня испугало. Я решил не возвращаться в номер, хотя первая мысль была именно такой, вместо этого я выбежал в коридор направо. Я бежал и бежал, резко поворачивая в последнюю секунду до столкновения с очередным углом. Достаточно быстро коридор вывел меня на улицу, где, к моему удивлению, стоял яркий солнечный день. Не оборачиваясь на мотель и даже забыв о нем, я шел по незнакомой местности, не задаваясь вопросами о том, как здесь оказался, что намерен делать, да и кто я, собственно, такой. В те секунды все казалось таким, каким должно быть. Былолюдно, как на оживленной городской площади. Я шел, зная куда идти и в то же время не зная этого.

Пока я говорю, в памяти все отчетливее прорисовываются детали. Вскоре я уже не в общей комнате психиатрической лечебницы, но на улице, наполненной людьми. Я иду по ней, куда-то направляясь. Заблудился и одновременно нашел себя. Меня переполняет эйфория: я вернулся в свой мир. Наконец-то чувствую себя на месте. Люди вокруг, я их не контролирую, я абсолютно убежден, что они живут своей жизнью, никак не связанной с моей. Чтобы проверить это, я останавливаю прохожего.

– Прошу прощения, – говорю я, но он игнорирует меня и идет дальше, я обращаюсь к следующему, – извините. – тот останавливается. Мужчина средних лет в типовом деловом костюме смотрит на меня оценивающе и немного сверху вниз. – Могу я поинтересоваться, куда вы направляетесь?

Он смотрит на меня подозрительно и, немного погодя, произносит:

– На работу. А почему вы спрашиваете?

– Просто интересно, извините за беспокойство, – говорю я, улыбаясь, после чего иду дальше. Мужчина какое-то время стоит на месте, недоумевая, глядит мне вслед. Я иду, потом начинаю бежать, незнакомая улица захватывает меня. В какой-то момент, переполненный эйфорией, я решаю посмотреть на свои руки. Я смотрю на них и узнаю, но в то же время пони-

маю, что никогда особо не смотрел на них до этого. В голову приходит мысль посмотреть на себя в зеркало, но вокруг нет зеркальных поверхностей, и я просто иду дальше.

Проходит несколько секунд, прежде чем я начинаю слышать назойливый истеричный свисток:

– Стойте! Стоять! – я оборачиваюсь, чтобы увидеть бегущего в мою сторону постового. Его рука лежит на рукоятке пистолета, пока что по-прежнему лежащего в кобуре на поясе. Я останавливаюсь и даю ему приблизиться.

– Руки на виду! – призывно-визгливым тоном восклицает постовой. – Выверните карманы, только медленно! – пока он говорит все это, я задумываюсь о том, что этот человек явно не знает, что ему делать – вид у него совершенно потерянный. Пистолет он уже успел выхватить и трясущимися руками направить на меня, я обращаюсь к нему максимально спокойным голосом:

– Извините, могу я поинтересоваться, в чем, собственно говоря, проблема?

– Заткнись! – взвизгивает полицейский, пока его вспотевшие руки, сжимающие, кажется, с невероятной силой табельное оружие, начинают еще больше трястись. Все это что-то напоминает мне, но я не могу вспомнить, что именно. Периферическим зрением я замечаю, что большинство прохожих находится где-то на пограничье между любопытством и страхом, образовав вокруг нас своеобразный полукруг.

Я решаю, что, что бы ни сказал сейчас, сделаю только хуже, а потому просто молчу, давая шанс ситуации разрешиться самой. В конце концов, если это мой сон, рано или поздно придется проснуться.

– Эй! Псс! Эй, ты! – голос из толпы, женский голос, до боли знакомый. Я обегаю взглядом зевак, начинаю крутить головой, в какой-то момент забываю о полицейском и своих руках, которые должны оставаться поднятыми. Я ищу в толпе лицо, слышу приглушенные крики, а потом чуть громкий хлопок, сопровождаемый ощущением острой боли в спине и груди. Не имея сил держаться на ногах, я начинаю заваливаться и пьяными шагами перемещаюсь туда-сюда, чем пугаю многих людей, некоторые из которых успевают картинно упасть в обморок. Мое внимание полностью переключается на моего убийцу, который, похоже, сам в ужасе от содеянного. Пистолет его смотрит дымящимся дулом в землю, рот полуоткрыт, как у идиота, в глазах тупой страх осознания. Это последнее, что я фиксирую в этом мире перед падением. Глаза открыты, а простреленное сердце все еще бьется. Через несколько секунд я понимаю, что вижу именно его на фоне голубого неба прямо перед своим носом. Кто-то держит его в вытянутой руке.

– Это твое, похоже, ты обронил, – говорит знакомый голос, я пытаюсь приподняться, чтобы посмотреть на нее, но она сама оказывает любезность и наклоняется, чтобы я мог ее разглядеть. – И тут ты не справился, бедный простофиля, а сердечко-то беречь надо, – произносит она, улыбаясь, и кладет мне мое сердце в ослабевшую руку.

Последние мгновенья этой жизни я провожу, лежа посреди городской улицы, окруженный зеваками и застреленный простофилей-постовым. Мои глаза постепенно закрываются, а кровотокающая мышца в руке перестает пульсировать.

Когда я вновь открываю глаза, обнаруживаю себя на полу общей комнаты психиатрической лечебницы, на меня смотрит старик, просивший рассказать о снах, санитар, голова-горшок и пара пациентов, которых я до этого никогда не видел.

– Ну что, ты как? – спрашивает Вергилий.

– Отвали отсюда! – прикрикивает на него санитар-надзиратель, после чего обращается ко мне, – идти можешь?

– Да, – говорю я, немного погодя.

– Хорошо, сейчас мы отведем тебя к доктору, пошли, вставай. – санитар берет меня под руку, откуда не возьмись появляется еще один, берущий меня под другую.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.